

Дара Вейн

Зов песков

Дара Вейн

Зов песков

<https://litres.ru/74490517>

SelfPub; 2026

Аннотация

Египет, 1923 год. Британская экспедиция под руководством археолога Эдварда Кросби отправляется к малоизученным руинам в Долине Забытых — между Луксором и Абу-Симбелом. Цель — гробница жрицы по имени Аманра, о которой известно лишь из обрывочных папирусов.

Но когда они находят мумию и свиток, покрытый текстом на языке, которого не знает ни один египтолог, экспедиция оказывается в эпицентре тайны, которая тянется сквозь три тысячи лет. Древние загадки, рукописи, которые не должны существовать, враги, готовые убить за молчание — и пески, которые помнят всё.

Дара Вейн

Зов песков

ЗОВ ПЕСКОВ

Приключенческий роман

Дара Вейн

Аннотация

Египет, 1923 год. Британская экспедиция под руководством археолога Эдварда Кросби отправляется к малоизученным руинам в Долине Забытых — между Луксором и Абу-Симбелом. Цель — гробница жрицы по имени Аманра, о которой известно лишь из обрывочных папирусов.

Но когда они находят мумию и свиток, покрытый текстом на языке, которого не знает ни один египтолог, экспедиция оказывается в эпицентре тайны, которая тянется сквозь три тысячи лет. Древние загадки, рукописи, которые не должны существовать, враги, готовые убить за молчание — и пески, которые помнят всё.

Глава 1. Каир, весна 1923 года

Каир встретил его запахом — густым, тёплым, почти осязаемым. Эдвард Кросби стоял на палубе парохода «Мемфис», который медленно пришвартовывался к причалу в Александрии, и вдыхал воздух, который пах морской солью,

специями и чем-то древним — не запахом, скорее присутствием чего-то, что было здесь задолго до того, как первый корабль коснулся этих берегов.

Ему было сорок три года. Высокий, сухой, с обветренным лицом и серыми глазами, которые казались выцветшими от солнца — хотя в Англии солнца было мало. Он носил льняной костюм, который помнил лучшие дни, и шляпу, которую не снимал даже в помещении, — привычка, приобретённая в Месопотамии, где солнце было врагом, а тень — роскошью.

Справа от него, перегнувшись через борт, стояла Марина Светлова — тридцать два года, русская, египтолог из Петрограда, который ещё не до конца стал Ленинградом. Она приехала по обмену — большевистское правительство, нуждавшееся в валюте и признании, отправило нескольких учёных за границу, чтобы показать, что советская наука жива. Марина была одной из них. Худая, тёмноволосая, с глазами цвета чёрного кофе, она говорила на четырёх языках, включая древнеегипетский — если можно так назвать язык, на котором никто не говорил три тысячелетия.

— Ну что, профессор, — сказала она, не отрывая взгляда от берега, — готовы?

— К чему?

— К Египту. Он не прощает тех, кто к нему не готов.

Эдвард посмотрел на неё. Марина Светлова была из тех людей, которые говорят загадками не из позёрства, а потому что мыслят образами. Он узнал это на первой их встрече — в

Лондоне, в Британском музее, где она три часа разбирала папирус, не поднимая головы, а потом сказала: «Этот текст написал человек, который боялся темноты. Видите — он дважды повторяет имя Тота в строке, где просит свет. Двойное имя — это мольба, а не формула.»

Эдвард тогда подумал, что она либо гений, либо сумасшедшая. К моменту, когда пароход пришвартовался в Александрии, он склонился к первому.

— Я готов к Египту с пятнадцати лет, — сказал он. — Когда мой отец впервые привёз меня сюда. Он был не археолог — он был торговец. Но он любил эту землю так, как любят живое существо. Он говорил: «Эдди, Египет — это не страна. Это вопрос. И каждый, кто сюда приезжает, пытается на него ответить.»

— А вы ответили?

— Нет. Но я всё ещё пытаюсь.

Пароход причалил. Началась суматоха — грузчики, таможенники, носильщики, торговцы водой, мальчишки, предлагавшие проводку до отеля за «очень дёшево, сэр, почти даром». Эдвард и Марина спустились по трапу и оказались в гуще Каира — хотя формально они были ещё в Александрии, но ощущение было то же: хаос, шум, жара и что-то неуловимо древнее, что пронизывало этот хаос, как нить, которая держит бусы.

Их встречал Дмитрий Козлов — геофизик, русский, тридцать пять лет, широкоплечий, с короткой стрижкой и рука-

ми, которые выглядели так, будто могли гнуть железо, но при этом настраивали тончайшие приборы. Он работал с Эдвардом уже три года — с тех пор, как экспедиция в Месопотамии обнаружила подземную камеру с помощью его магнитометра.

— Профессор! — крикнул он, махая рукой. — Марина! Сюда!

Они протиснулись через толпу. Дмитрий схватил чемодан Эдварда одной рукой, как спичечный коробок.

— Я уже нанял машину. «Форд». Водитель — араб, но говорит по-английски. Отель «Шепард», как вы просили.

— Новости? — спросил Эдвард.

— Есть новости. — Дмитрий понизил голос. — К нам присоединится ещё один человек. От спонсора.

Эдвард остановился.

— От Заречного? Он не говорил, что пошлёт кого-то.

— В телеграмме, которая пришла утром. Виктор Павлович передаёт привет и сообщает, что его представитель, некто Селим Бен-Али, присоединится к экспедиции в Луксоре. Он едет из Каира отдельно.

Эдвард нахмурился. Виктор Заречный — русский эмигрант, обосновавшийся в Лондоне, торговец антиквариатом и, по слухам, кое-чем покрупнее — финансировал экспедицию уже второй год. Эдвард не любил, когда деньги приходили с условиями, но Заречный был щедр и, казалось, искренне интересовался наукой. Однако «представитель» — это сло-

во, которое Эдвард не любил больше, чем «спонсор».

— Что за человек?

— Не знаю. Телеграмма короткая. «Селим Бен-Али. Специалист по логистике. Обеспечит безопасность.»

Марина подняла бровь.

— Безопасность? Нам нужна безопасность?

— Мы работаем в Египте, — сказал Дмитрий. — После Картера и Тутанхамона каждый авантюрист в Европе мечтает о собственной гробнице. Англичане контролируют Службу древностей, французы тянут одеяло на себя, а местные власти... ну, вы знаете. Британский протекторат кончился формально, но по факту...

— Фактически, — сказал Эдвард, — нам нужен пропуск от Службы древностей, и нам нужно, чтобы никто не украл находки, пока мы их не опишем. Если Бен-Али может это обеспечить — пусть приезжает.

— А если нет? — спросила Марина.

— Тогда мы с ним разберёмся.

Они сели в «Форд» — чёрный, пыльный, с откинутым верхом — и поехали по дороге, которая вела из Александрии в Каир. Водитель, маленький смуглый человек по имени Фарук, гнал машину, как будто за ним гнались, и при этом спокойно болтал по-английски, рассказывая о ценах на хлопок, о том, что англичане «портят настроение», и о том, что его кузен нашёл скарабея в огороде и продал его туристу за пять фунтов.

— Пять фунтов! — повторил Фарук с восторгом. — За жука! Мёртвого жука!

— Жук — это не просто жук, — сказал Эдвард. — Скарабей — символ воскресения. Для египтянина это не насекомое. Это...

— Я знаю, сэр, — перебил Фарук. — Я знаю, что это для египтянина. Но для моего кузена это пять фунтов.

Марина засмеялась. Эдвард улыбнулся. Дмитрий молча смотрел на дорогу, и лицо у него было такое, будто он уже думал о том, что ждёт их впереди.

За окном проплывал Египет — не тот, из учебников, а живой: поля сахарного тростника, каналы, мальчишки на буйволах, женщины с кувшинами на головах, деревни из глины и пальмовых листьев, и где-то вдалеке — неясный силуэт пирамид, который появлялся и исчезал в мареве, как мираж.

* * *

Глава 2. Отель «Шепард» и письмо из Луксора

Отель «Шепард» в Каире был тем местом, где Восток встречался с Западом и оба делали вид, что им комфортно. Мраморный вестибюль, пальмы в кадках, потолочные вентиляторы, которые лениво крутились, разгоняя жару, — и запах кофе с кардамоном, который мешался с запахом воска от полироля, которым натирали полы.

Эдвард и Марина заняли два номера на втором этаже — окнами во двор, где бил маленький фонтан. Дмитрий — комнату рядом. Они встретились в ресторане, заказали кофе и

кебаб, и Эдвард разложил на столе карту.

— Итак, — начал он, — наша цель. Долина Забытых — название, которое дал ей я, потому что у неё нет официального имени. Это участок между Долиной Царей и оазисом Харга, примерно в сорока километрах к западу от Луксора. На спуте — ничего. На картах Британской топографической службы — «неисследовано». Но...

Он достал из папки лист — копию папируса, который лежал в Британском музее под номером 10-442-В и который никто не переводил, потому что он был каталогизирован как «фрагмент ритуального текста, без исторической ценности».

— Но Марина перевела.

— Не полностью, — сказала Марина, покачав головой. — Текст повреждён. Но ключевые строки читаются. Послушайте: «И жрица Аманра, служительница тайного дома Амона, была погребена в месте, где солнце умирает, за семью скалами, где дорога кончается и начинается песок. И положили с ней свиток, который не должен быть прочитан, и камень, который не должен быть найден, ибо в них — последняя воля богов.»

Дмитрий присвистнул.

— «Свиток, который не должен быть прочитан»? Звучит как приглашение.

— Звучит как предупреждение, — поправила Марина.

— Одно и то же, — сказал Эдвард. — Для археолога — да. Он постучал пальцем по карте.

— «Место, где солнце умирает» — запад. «За семью скалами» — это описание рельефа. Я изучил топографические снимки — к западу от Луксора есть ущелье, которое ведёт в долину, окружённую скалами. Семь выступов — если считать. Я считал по аэрофотосъёмке, которую сделал в двадцатом году. Семь.

— А «дорога кончается и начинается песок»? — спросил Дмитрий.

— Это Ливийская пустыня. Дороги кончаются примерно в тридцати километрах от Нила. Дальше — дюны.

— И вы думаете, что гробница там? — спросила Марина.

— Я думаю, что текст говорит именно об этом. Жрица Аманра — не фараон, не царица. Она служила в «тайном доме Амона» — это может быть тайный храм, о котором не было публичных записей. Её погребли не в Долине Царей, не в Дейр-эль-Бахри — а в месте, которое было выбрано именно потому, что оно скрыто. Потому что с ней положили то, что «не должно быть найдено».

— Что?

— Этого я не знаю. И хочу узнать.

Марина посмотрела на него — внимательно, серьёзно.

— Эдвард, вы понимаете, что если текст правдив, мы имеем дело не с обычным погребением. «Последняя воля богов» — это формулировка, которая в египетских текстах встречается один раз в тысячу лет. Это не ритуальная фраза. Это...

— Предупреждение?

— Или обещание.

Эдвард кивнул.

— Вот поэтому мы и едем. Если это обычная гробница — мы опишем её, передадим находки в Каирский музей и вернёмся домой. Если нет...

— Если нет, — закончил Дмитрий, — будет интересно.

В этот момент к столу подошёл портье — пожилой египтянин в белом галабее — и протянул Эдварду конверт.

— Вам письмо, господин. Доставлено с вечерней почтой.

Конверт был желтоватый, без марки — доставлен лично. Эдвард вскрыл его. Внутри — один лист, написанный от руки, по-английски, аккуратным, но не английским почерком. Он прочитал вслух:

«Уважаемый профессор Кросби. Я знаю о вашей экспедиции. Я знаю, куда вы идёте. Я советую вам не идти. Тот, кто охраняет Долину Забытых, не спит. Пески помнят. И они не прощают. Друг.»

Тишина. Фонтан во дворе плескал водой. Вентилятор на потолке скрипнул.

— «Друг», — повторил Дмитрий. — Друзья, которые посылают анонимные письма с угрозами, — мой любимый тип.

— Это не угроза, — сказала Марина, забирая письмо. — Это предупреждение. Разница есть. Посмотрите — почерк ровный, без спешки. Человек писал спокойно. Он не запугивает. Он сообщает.

— Сообщает, что пески не прощают? — Дмитрий усмех-

нулся.

— Пески Египта действительно не прощают, — сказала Марина. — Это не метафора. Люди гибли в пустыне и сто, и тысячу лет назад. Тот, кто написал это, знает пустыню.

— И знает о Долине Забытых, — добавил Эдвард. — А это значит, что Долина не так забыта, как я думал.

Он убрал письмо в папку.

— Мы выезжаем в Луксор послезавтра. Поездом — это надёжнее, чем машина. В Луксоре нас встретит Хасан аль-Масри — инспектор Службы древностей, мой старый знакомый. Он оформит пропуск. И, предположительно, господин Бен-Али.

— А письмо? — спросила Марина.

— Письмо мы берём с собой. Если это предупреждение от кого-то, кто знает Долину, — этот человек может оказаться полезнее, чем опасен.

* * *

Глава 3. Поезд на Луксор

Поезд шёл на юг по колее, которую англичане проложили ещё в восьмидесятих годах прошлого века — узкая, пыльная, с вагонами, которые помнили, возможно, Клеопатру. Во всяком случае, так казалось Эдварду, который сидел на жёсткой скамье, покрытой выцветшим бархатом, и пытался читать при свете лампы, которая мигала каждый раз, когда поезд проходил стык.

Египет за окном был бесконечен. Нил — широкий, корич-

невый, ленивый — тянулся слева, как огромная змея, которая спит в тёплой воде. Справа — пустыня, жёлтая, оранжевая, белая — цвета менялись, как настроение. Пальмы вставали из ниоткуда и уходили в никуда. Деревни лепились к берегам, как ласточкины гнёзда — из глины, тростника и веры, что Нил не поднимется в этом году. Иногда поднимался.

Марина сидела напротив и переводила папирус. Она работала так, как играют музыканты: пальцы двигались по тексту, губы шевелились, и иногда она останавливалась, закрывала глаза и что-то шептала — пробовала звук, вес, вкус слова.

— «Тайный дом Амона», — сказала она, не поднимая головы. — Это интересная формулировка. Обычно храм Амона называется «Дом Амона» — Per Amun. Но здесь — «тайный дом» — Shtau Amun. Shtau — это «тайна», «скрытое». Это слово используется в одном контексте — тайные ритуалы, которые проводились в самой внутренней части храма, в святая святых, куда мог войти только фараон и верховный жрец.

— И жрица? — спросил Эдвард.

— Жрица служила в этом тайном доме. Это значит, что она была не просто служанка или певица. Она имела доступ к тайным ритуалам. Это очень высокий статус. Выше, чем у жены фараона, в некотором смысле — потому что жена фараона входила в храм как супруга, а жрица — как избранная.

— Избранная кем?

— Богом. Или жрецами, которые говорили от имени бога.

Обряд выбора описан в других текстах — девушка, обычно из знатной семьи, приводилась в храм, и статуя бога «выбирала» её — жрецы двигали статую на шестах, и она наклонялась к избранной или отворачивалась от других. Это называлось «божественное избрание».

Дмитрий, который лежал на верхней полке и делал вид, что спит, перегнулся вниз.

— То есть эту Аманру выбрал бог?

— Выбрали жрецы, — сказала Марина. — От имени бога. Но формально — да. И это значит, что её погребение должно было быть особенным. Не царским — но и не обычным. Чем-то средним. И, возможно, тайным — потому что «тайный дом» подразумевает тайну.

— А что за «камень, который не должен быть найден»? — спросил Эдвард.

— Не знаю. — Марина покачала головой. — В тексте — «ini-t», что может означать «камень», «минерал» или «драгоценность». Контекст неясен. Но формулировка «не должен быть найден» — это не «не должен быть украден». Это «не должен быть найден». То есть его спрятали так, чтобы никто не нашёл. Даже грабители гробниц.

— Грабители находили всё, — сказал Дмитрий.

— Почти всё, — согласился Эдвард. — Но не все гробницы найдены. И не все найдены разграбленными. Гробница Тутанхамона — пример. Картер нашёл её почти нетронутой. Потому что вход был засыпан и забыт.

— Или потому что кто-то охранял её, — сказала Марина.

— Три тысячи лет.

Эдвард посмотрел на неё.

— Вы думаете, у Долины Забытых есть страж?

— Я думаю, что письмо, которое вы получили, написано не случайно. Кто-то знает о Долине. Кто-то не хочет, чтобы туда шли. И этот кто-то — не обязательно враг.

Поезд качнулся, лампа мигнула, и на секунду стало темно. Марина подняла голову и посмотрела в окно. За стеклом, в черноте, горели звёзды — огромные, яркие, южные, те звёзды, по которым египтяне предсказывали разливы Нила и судьбы фараонов.

— Знаете, — сказала она тихо, — египтяне верили, что звёзды — это души умерших. Не всех — только избранных. Тех, кто прошёл суд Осириса и был оправдан. Их души становились звёздами и светили живым. Если Аманра была «оправдана» — она звезда. Где-то там.

Она указала в окно, на россыпь, которая горела над пустыней.

— Или это просто звёзды, — сказал Дмитрий сверху. — Раскалённый газ на расстоянии миллионов миль.

— И это тоже, — согласилась Марина. — Но одно не исключает другого.

Эдвард молчал. Он думал о письме. О почерке — ровном, спокойном, не английском. О словах: «Тот, кто охраняет Долину Забытых, не спит.» Кто охраняет? Жрец? При-

зрак? Потомок стражей, которых назначили три тысячи лет назад? Или просто человек, который живёт рядом и не хочет, чтобы чужие топтали его землю?

— Мы прибудем в Луксор к утру, — сказал он. — Всем спать.

Но сам не спал. До самого утра он смотрел в окно, на звёзды, которые гасли одна за другой, когда пустыня бледнела и розовела перед рассветом.

* * *

Глава 4. Луксор. Хасан и Селим

Луксор встретил их зноем. Не жарой — зноем, от которого воздух дрожит и камни становятся белыми, как кости. Станция была маленькая, пыльная, с вывеской на арабском и английском, которая гласила «Luxor Station» и качалась на ветру, как флюгер, который забыл, куда показывает.

На перроне их ждали двое. Первый — Хасан аль-Масри: пятьдесят два года, худой, тёмный, с лицом, на котором морщины лежали, как иероглифы, — каждая значила что-то. Инспектор Службы древностей, выпускник Каирского университета, англоман, коллекционер трубок. Он носил европейский костюм, который был ему тесен в плечах, и феску, которая сидела набекрень, как корона, которую надели не вовремя.

— Эдвард! — он обнял его, как брата. — Ты опять приехал копать мою страну. Каждый раз — копаешь. Нельзя ли приехать просто посмотреть?

— Хасан, — Эдвард улыбнулся. — Если я приеду просто посмотреть, ты будешь разочарован. Ты любишь, когда я захожу.

— Я люблю, когда ты находишь и отдаёшь мне. Это моя страна.

— И всё, что мы найдём, останется в Египте. Ты знаешь это.

— Я знаю. Но кто-то другой может не знать.

Он посмотрел на Марину и Дмитрия.

— Ваши коллеги?

— Марина Светлова — египтолог, из России. Дмитрий Козлов — геофизик.

Хасан поклонился.

— Добро пожаловать в Египет. Надеюсь, вы привезли солнцезащитные очки и терпение. То и другое понадобится.

Второй человек стоял чуть поодаль — и Эдвард сразу обратил на него внимание. Высокий, выше Эдварда, с широкими плечами и лицом, которое было не арабским и не европейским — чем-то средним. Кожа — оливковая, волосы — чёрные, зачёсанные назад, усы — тонкие, аккуратные. Глаза — тёмные, почти чёрные, и в них было то, что Эдвард узнавал у людей определённого сорта: спокойствие, которое не было миром, а было выжиданием.

— Селим Бен-Али, — сказал человек, протягивая руку. Голос был низкий, с акцентом, который Эдвард не мог определить — не египетский, не турецкий, не французский. Что-

то левантийское — может, сирийский, может, ливанский.

— Профессор Кросби, — ответил Эдвард, пожимая руку. Рука была крепкая, сухая, и держала чуть дольше, чем нужно.

— Виктор Павлович просил передать, что всё подготовлено, — сказал Бен-Али. — Грузовик, снаряжение, палатки, провизия. Наемные рабочие — двадцать человек из Гурны. Знают раскопки, понимают дисциплину.

— Двадцать? — Эдвард удивился. — Мне нужно десять.

— Виктор Павлович считает, что нужно двадцать. — Бен-Али улыбнулся. Улыбка была короткой и не касалась глаз. — Он сказал, что лишние руки не лишние.

Марина смотрела на Бен-Али и думала: этот человек не «специалист по логистике». Этот человек — бывший военный. Она видела таких в Петрограде, в девятнадцатом — офицеры, которые после революции не знали, куда деть руки, и шли туда, где платили. Неважно кому — белым, красным, кому угодно. Они носили гражданское, но двигались по-военному: спина прямая, шаг мерный, взгляд, который проверяет.

— Господин Бен-Али, — сказала она, — вы бывали в Долине Забытых?

Он посмотрел на неё — медленно, оценивающе.

— Нет. Но я бывал в пустыне. Пустыня одинакова везде.

— Пустыня никогда не бывает одинаковой, — сказала Марина. — Это первое, что нужно знать.

— Тогда вы меня научите, — ответил он с той же короткой улыбкой.

Хасан повёл их к машине — старому «Роллс-Ройсу», который, по его словам, принадлежал Службе древностей и был «подарком британской короны, которая дарит, чтобы забирать». Они загрузились и поехали к реке, где у причала стоял фелука — парусная лодка с широким корпусом, которая должна была переправить их на западный берег.

На западном берегу Нила, в тени Колоссов Мемнона — двух огромных статуй, которые сидели лицом к восходу и, казалось, ждали чего-то уже три тысячелетия, — располагался лагерь. Палатки, грузовик, ящики с инструментами. И двадцать рабочих из Гурны — местных жителей, которые поколениями жили рядом с гробницами и знали подземный мир Долины Царей лучше, чем любой профессор.

Эдвард осмотрел лагерь, проверил снаряжение — лопаты, кисти, буры, верёвки, фонари, ящики для находок — и остался доволен. Бен-Али действительно организовал всё чётко. Слишком чётко для «специалиста по логистике».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.